

К. А. ПРОКУДИН

**Горские народы
Северного Кавказа
на государственной службе
в Российской Империи
(XIX век)**

Константин Прокудин

**Горские народы Северного
Кавказа на государственной
службе в Российской
Империи (XIX век)**

«Фонд развития конфликтологии»

УДК 93/94 (479)

ББК 63.3

Прокудин К. А.

Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской Империи (XIX век) / К. А. Прокудин — «Фонд развития конфликтологии»,

ISBN 978-5-6040100-3-7

В работе изложены сложные и важные события в истории России. Показаны процессы интеграции северокавказских народов в ее историческое пространство. Раскрыты вопросы просвещения и образования горского населения, его участия в государственной, в том числе военной, службе Российской Империи в XIX веке. Работа может быть востребована органами государственного управления в процессе разработки стратегии и мероприятий по развитию северокавказского края в контексте сотрудничества, толерантности и взаимопонимания населяющих его народов. Она также может использоваться в научных, учебных целях и всеми, кто интересуется историей России и ее регионов.

УДК 93/94 (479)

ББК 63.3

ISBN 978-5-6040100-3-7

© Прокудин К. А.

© Фонд развития конфликтологии

Содержание

Вместо предисловия	5
Введение	6
Глава I.	8
1.1. Горские народы Северного Кавказа в учебных заведениях России	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

К. А. Прокудин

Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской Империи (XIX век)

Вместо предисловия

Работа молодого ученого К. А. Прокудина посвящена одной из важных страниц в истории России XIX века. Используя огромный источниковый материал, автор в системном формате с применением разнообразных научных методов, включая расчетные, раскрыл исторические события на чрезвычайно сложном пути вхождения и интеграции народов Северного Кавказа в российское культурное и политическое пространство. Работа, ее актуальность, в том числе и для сегодняшнего дня, говорят сами за себя. Здесь же хотелось хотя бы коротко сказать и о ее авторе.

Окончив исторический факультет Северо-Кавказского федерального университета, Константин Александрович Прокудин учился и в его аспирантуре под научным руководством выдающегося ученого-кавказоведа, доктора исторических наук Т. А. Невской, определившей успешные исследования многих историков.

При этом К. А. Прокудин не ограничился учебной и исследовательской работой в названном университете. Он продолжил свое образование и деятельность на военном поприще, используя на всех этапах своего жизненного пути полученные исторические знания, опыт системного мышления и анализа. Глубоко преданный идеалам патриотизма, любви к Родине, северокавказскому краю, его народам, он полностью отдавал себя работе. Его порядочность, честность, трудолюбие благородные черты характера заслужили признание и уважение друзей и соратников по службе, помогали быть прекрасным семьянином, воспитывать двух дочерей.

Несчастный случай оборвал жизнь 34-летнего успешного и яркого ученого, защитника нашего Отечества. Родственники, друзья и близкие в память о нем, в назидание его детям, в помощь и поддержку тем, кто работает в системе управления и безопасности государства и кто не равнодушен к истории России, кто хочет знать о ней правду больше и глубже, решили опубликовать актуальное по проблематике и талантливое исследование К. А. Прокудина в качестве научного издания.

В. Т. Бекетова, Д. Е. Прокудин

Введение

Изучение практики привлечения горских народов Северного Кавказа на государственную службу России в XIX веке является актуальным не только для исторической науки, но и для выработки взвешенной политики по установлению мира и спокойствия на Кавказе и в наши дни. Расширение российского государства на юг в XVII–XIX веках, обусловленное жизненной необходимостью обеспечить безопасность его южных рубежей, поставило перед ним задачу сближения, а затем и полномасштабной интеграции новых территорий и проживающих на них народов в российское общество. Очевидно, что ее выполнение было сопряжено, в первую очередь, с привлечением на государственную службу Российской Империи представителей горских народов, а также с развитием в их среде просвещения и образования. Степень и характер претворения в жизнь этих взаимосвязанных целей зависели не только от заинтересованности и возможностей России, но и от состояния самого северокавказского общества и внешнеполитической обстановки, складывающейся в XIX веке вокруг него. Сумма последних факторов была в целом малоблагоприятной для России. При этом среди факторов внутреннего характера выделяется доминирование патриархальных отношений в системе управления и в экономике горских народов, ее зависимость от межплеменных конфликтов и набеговой системы и, как следствие этого, ограниченность использования производительного труда в хозяйственном секторе общества. Во внешнеполитической обстановке обозначились устремления и практические действия отдельных стран (Иран, Турция, Египет, Франция, Англия), которые различными методами пытались вытеснить Россию из региона.

В данных условиях вовлечение народов Северного Кавказа в российское общество могло осуществляться на протяжении значительного времени при преобладающем использовании в отдельные периоды силовых методов, что обусловило привлечение на государственную службу представителей горских народов региона и их широкое участие в иррегулярных военных формированиях и частях российской армии. В свою очередь, это стимулировало другие направления интеграции. Среди них выделяются начавшиеся процессы просвещения и образования в горской среде, служба ее представителей в гражданских институтах России. Царское правительство в своей политике всемерно поддерживало данные направления. Необходимо отметить, что в современной историографии в обсуждении процессов вхождения Кавказа в состав Российской Империи нередко возникают негативные оценки политики России в регионе, поэтому всестороннее освещение интеграции народов Северного Кавказа в российское политическое и правовое поле в XIX веке имеет является наиболее важной задачей кавказоведения на сегодняшний день. Это обуславливает как научную, так и общественно-политическую значимость данной проблемы, решение которой состоит в необходимости целостного и полного освещения событий и фактов, касающихся взаимоотношений Российской Империи с народами Северного Кавказа в XIX веке в контексте привлечения последних к государственной службе, в потребности дать объективную оценку связанных с этим обстоятельств, а также в критике исторических отдельных современных авторов, основанной на привлечении архивных материалов и во взвешенной их оценке.

Материалы проведенного исследования показывают, что нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают силовую составляющую основой российской политики по отношению к кавказским народам. Исследование позволяет достаточно углублено и масштабно определить то, что проблема интеграции народов Северного Кавказа в российское общество в XIX веке во многих аспектах своей значимости и способов реализации сопрягается с тенденциями геополитики и миропорядка в сегодняшней действительности. Результаты изучения государственной службы представителей автохтонного населения региона в Российской Империи могут быть востребованы в политике нашего государства в условиях решения современ-

ных проблем Северного Кавказа. В этой связи изучаемая тема в целом обладает высоким уровнем актуальности.

Глава I.

Подготовка горских народов Северного Кавказа к военной и гражданской службе в Российской Империи

1.1. Горские народы Северного Кавказа в учебных заведениях России

По мере вхождения северокавказских территорий в состав Российской Империи вставал вопрос об интеграции населения региона в общественно-культурную и политическую жизнь страны. Для реализации данной идеи правительство выбрало несколько путей: привлечение горских народов Северного Кавказа к военной и гражданской службе, а также их просвещение и подготовка к ней. Очевидно, что данные направления были тесно взаимосвязаны и отвечали требованиям времени.

На пути просвещения горцев Северного Кавказа и подготовки их к государственной службе стояло много проблем – это неоднозначное отношение на начальном этапе правительства России к народам Северного Кавказа, сложная ситуация во взаимоотношениях между кавказской администрацией и местным населением, которая вылилась в XIX веке в Кавказскую войну, и, наконец, влияние иностранных государств (Турции, Ирана, Англии и др.) на складывающуюся обстановку в регионе.¹

Царское правительство понимало необходимость интеграции горцев Северного Кавказа в культурное и политическое пространство государства. На протяжении всего XIX века правительство меняло методику и форму решения этой первостепенной задачи, пытаясь уделить внимание и военному, и гражданскому образованию. В начале XIX века российские власти приступили к созданию на территории Северного Кавказа сети светских школ для знакомства народов Кавказа с русской культурой и обучения элементарной грамоте. Предоставление светского образования давало возможность привить им стремление к службе на благо своего народа и в целом российского государства.

До присоединения к России у горских народов не было светских школ. Дети горцев учились при мечетях у мулл и кадиев; обучение заключалось преимущественно в заучивании молитв на арабском языке. Главной целью учений мулл и кадиев на территориях, позже охваченных Кавказской войной, являлось воспитание фанатиков путем внушения призывов к войне с неверными, ненависти ко всему русскому. Определенное значение для изменения этой ситуации имело открытие в конце XVIII века русских школ в местах дислокации российской армии на Кавказе – крепостях и солдатских слободах. Это были гарнизонные, полковые школы, школы для кантонистов, где наряду с русскими обучались чеченские, дагестанские, ингушские, кабардинские и дети других северокавказских национальностей.² Позже для более существенного изменения положения царское правительство стало принимать дворянскую молодежь горцев в русские военные учебные заведения, по окончании которых их зачисляли офицерами в ряды регулярной армии с обязательным сроком службы в шесть лет. Ежегодный контингент

---

¹ *Вотсон Р. Г.* Тарихе Гаджар. Тегеран, 1960. С. 40–55; *Вакили Абду-л-Фазл.* Гафгазие ва Маджахедин-е Иран. Тегеран, 1967.

² *Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 267–268.

приема детей горской знати в русские военно-учебные заведения был установлен численностью в 30 человек.³

Отбор детей горцев для обучения в российских учебных заведениях осуществлялся по специальным правилам. Во-первых, они должны были быть не моложе шести и не старше 13 лет, а главное являться детьми князей, первостепенных узденей и почетных мусульман, которые пользовались среди населения Кавказа уважением, а также имевших русские военные и гражданские чины.⁴ Так, в прошении начальника Терской области директору гимназии от 20 июня 1874 года говорилось о зачислении в Ставропольскую мужскую гимназию сыновей члена Наурановского окружного суда Васы Мальсагова – Адиль-Гирея и Сая.⁵ Тем самым правительство осуществляло действия по формированию пророссийски настроенной потомственной знати среди горских народов Северного Кавказа, служащих в государственных структурах, подобных дворянским.

Однако необходимо сказать, что отношение горцев к данным действиям правительства было не однозначно. С одной стороны, прохождение службы и учебы в стенах одного учебного заведения соответствовало природным наклонностям и военной натуре горских племен, с другой – долгий отрыв от родных семейств не мог не сказываться отрицательно на их поведении и службе в российских военных корпусах. Следует отметить, что горцы поступали в кадетские корпуса без всякой предварительной подготовки и соответственного знания русского языка. С учетом этого эффективность обучения и службы была невелика.

Интеграция населения Северного Кавказа в российскую общественную жизнь усложнялась и тем, что, возвращаясь на родину, некоторые из выпускников военных учебных заведений становились предводителями национальных частей, которые воевали против регулярных русской армии на Северном Кавказе. По указанным причинам во второй половине XIX века царское правительство активно занялось решением вопроса об эффективности обучения детей знатных горцев Северного Кавказа в военных учебных заведениях Империи и дальнейшего их назначения в регулярные военные части России.

В 1852 году царское правительство вынуждено было ужесточить правила привлечения горцев Северного Кавказа, грузин и мусульман Закавказья к военной государственной службе после окончания военно-учебных заведений. Так, в своем отношении от 15 мая 1852 года военный министр генерал-адъютант князь Долгорукий писал министру внутренних дел России об изменениях, утвержденных Императором Александром II, в порядке поступления указанной категории лиц в действующие военные части Империи, а именно: по окончанию учебных заведений (кадетских корпусов. – *П. К.*) дети горской знати обязаны были прослужить в войсках внутренних губерний не менее шести лет и только после этого мог решаться вопрос о переводе их на Кавказ в действующую армию. Долгорукий указывал: «Шестилетнюю службу в кавалерийских и пехотных полках, расположенных в России, воспитанников военно-учебных заведений вообще из горцев, грузин и мусульман, выпускаемых из кадетских корпусов офицерами, юнкерами, считать обязательной. В случае неудовлетворительного служения в них, переводить их в батальоны внутренней стражи, расположенные, преимущественно в северной, средней и южной полосе Империи. Если по каким-либо причинам они будут уволены от службы до истечения шести лет со времени выпуска из кадетских корпусов, не позволять возвращать раньше срока. Исключение из сего в тех только случаях, когда начальство Кавказского края найдет необходимым, по семейным обстоятельствам особой важности, сократить для кого-либо из упомянутых воспитанников срок службы и пребывания в России».⁶

---

³ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Нальчик, 1991. С. 12.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 73. Оп. 1. Д. 846. Л. 39–42.

⁵ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 73. Л. 72.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 13. Д. 341. Л. 1.

На то время в военно-учебных заведениях оставалось большое количество горцев, которые не справились с учебной программой и продолжали находиться в пансионе на казенном обеспечении. В 1852 году Военное министерство обратилось к наместнику на Кавказе с просьбой о предоставлении мнений руководителей региональных военных округов и войск о целесообразности дальнейшего обучения горцев в военно-учебных заведениях и увеличении числа слушателей в Ставропольской и Екатеринодарской гимназиях.⁷

По существующему российскому законодательству и правилам приема в военно-учебные заведения подданных Российской Империи при поступлении в корпус родители или родственники должны были «писать обязательство» о том, что они заберут обучающегося из учебного заведения, если он на протяжении двух лет не проявил рвение к учебе и не перешел в следующий класс. На основании 2 дополнения к ст. 828 п. 8 к 3 тому Свода военных постановлений учебная администрация не имела право держать учащегося в корпусе более двух лет и обязана уведомить родственников об отчислении указанной категории слушателей. В том случае, если «родители или родственники не примут меры к исполнению своего обязательства, то начальство корпуса без всякого снисхождения обязано представить воспитанника к выписке в батальон военных кантонистов».⁸ На основании ст. 823 3 тома Свода военных постановлений «те воспитанники, которым не исполнилось 16 лет, и которые предались порокам в той степени, что начальство приняло решение о невозможности перевоспитания, направляются в батальон военных кантонистов до 18 лет, а затем определяются в армию на общих основаниях».⁹

В отношении горцев Северного Кавказа данное законодательство не распространялось в связи с тем, что малолетние горцы доставлялись в военные учебные заведения не родителями или родственниками, а, как правило, кавказскими чиновниками, которые не могли не только «написать обязательство», но и не имели на то право. Действия учебной администрации по отправлению горских слушателей в батальоны военных кантонистов также были затруднены в связи с проводимой либеральной политикой царского правительства по отношению к народам Северного Кавказа.¹⁰ Таким образом, горцы находились в корпусе военно-учебных заведений до 16 лет, получая при этом все привилегии воспитанника данных заведений.

Сложившаяся ситуация положительного влияния на горцев не оказывала, так как они заранее знали, что не будут отчислены, и, в свою очередь, оказывали негативное влияние на своих вновь прибывших соплеменников. Только в редких случаях администрация учебного заведения отправляла данных горцев обратно на Кавказ в сопровождении чинов Собственного Его Императорского Величества конвоя, направлявшихся домой после службы в столице (г. Санкт-Петербург – *П. К.*).¹¹ Руководство Военного министерства Российской Империи, зная о сложившейся ситуации и увеличении расходов на содержание горских воспитанников, продолжавших находиться в военных учебных заведениях, обратилось к главе Кавказского наместничества с просьбой высказать мнение местных чиновников по вопросу целесообразности обучения детей горских князей и узденей, а также старшин в данных заведениях.

В рапорте начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Грамотина командующему Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту и кавалеру Завадовскому от 14 июня 1852 года говорилось о негативном влиянии обучения кабардинских горцев в военных заведениях Санкт-Петербурга, так как оно является в большей степени желанием не родителей, а убеждением местной администрации. Кабардинцы, высланные из заведений «в связи

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. «Переписка о воспитании малолетних горцев в военных школах Петербурга и в гимназиях Ставрополя и Екатеринодара» (31 мая 1852 – 6 февраля 1859 гг.).

⁸ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 4.

с пороками, неподготовленностью к изучению наук или леностью, мстительны по своей природе, никогда не будут верными подданными. Горцы, выпускаемые из военно-учебных заведений на службу офицерами, особой пользы для службы не приносят. Забывают свой родной язык и не используются в качестве переводчика». ¹² Данную точку зрения поддерживал в своем рапорте от 12 января 1853 года и начальник Левого фланга Кавказской линии: «весьма скоро возвращенные из Петербурга горцы забывали все полезное там приобретенное и предавались по-прежнему лени и беспечности, составляющим особенную черту их характера, в то же время у большей части остается убеждение, что они люди образованные и выше своих соплеменников..., таким поведением они, конечно, не поселяют в народе выгодного мнения о русском воспитании». ¹³

Главную причину отрицательного результата генерал-майор Грамотин видел в том, что при поступлении в учебные заведения среди горских воспитанников отсутствовал конкурс, и каждый из них был уверен в получении при достижении шестнадцатилетнего возраста офицерского чина в русской армии. ¹⁴ Грамотин предлагал усилить деятельность российского правительства по обучению горцев Северного Кавказа непосредственно на территории проживания последних. Так, в Нальчикской школе на тот момент обучалось 25 горцев, воспитанием которых занимались не только учителя, но и родственники, исключение из учебного заведения не несло затруднений и осложнений. Обучение в школе приносило больше пользы для подготовки автохтонного населения Кавказа к гражданской или военной службе. В случае поступления на гражданскую службу они получали столько же прав, сколько и офицер, «в особенности, когда правительству угодно будет в программу преподающихся в школе наук внести военное судопроизводство». ¹⁵

Обращаясь к правительству, военный чиновник предлагал часть расходов за школу взять Военному министерству, увеличить число воспитанников до 50 человек с казенным воспитанием на 15–25 русских мальчиков, которые облегчали бы изучение русского языка горцам и ввести в программу обучения сельскохозяйственные предметы. От 2 до 6 горцев по результатам выпускных экзаменов направлять в кадетские (военные) корпуса. Выпуск воспитанников осуществлять в звании хорунжего или коллежского регистратора. В случае пожелания выпускника служить в регулярных полках, направлять его сразу после школы в полк, чтобы до производства в офицеры он прослужил в чине хорунжего один год. ¹⁶

Предложения о переносе внимания с военно-учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы на обучение в школах Кавказского края вносил также начальник Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Евдокимов в своем рапорте от 9 ноября 1852 года. Так, он сообщал, что «небесполезно было, если бы вместо отправления детей горцев для воспитания в Россию, учредить учебные заведения в важнейших пунктах на Кавказе. Сюда охотно будут поступать дети многих влиятельных людей, следовательно, число воспитанников может быть не сравнительно больше числа отправленных». ¹⁷

Анализ документальных материалов позволяет выявить кроме выше сказанных причин неэффективности воздействия столичного образования на горцев и тот факт, что не многие народы Северного Кавказа направляли в достаточном количестве воспитанников в учебные заведения Санкт-Петербурга и Москвы, чтобы они смогли после их окончания влиять на своих соплеменников и нести русскую культуру на Кавказ.

---

¹² РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 8–9.

¹³ Там же. Л. 29–30.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 11–12.

¹⁷ Там же. Л. 14–15.

Усложняло ситуацию то обстоятельство, что многие из воспитанников военно-учебных заведений плохо переносили изменения в климатических условиях. Так, в рапорте начальника Владикавказского военного округа от 18 декабря 1852 года сообщалось, что из 52 воспитанников, отправленных на обучение, в течение последних трех лет на Кавказ для лечения было отправлено 14 человек, из которых 7 горцев умерло от болезней. Таким образом, желание горских народов направлять своих детей в военно-учебные заведения с каждым годом становилось меньше.¹⁸

Учитывая сложившуюся ситуацию, военный чиновник предлагал следующее: «...для предварительного воспитания горцев умножить школы при местных управлениях по примеру школ военных; в Ставрополе, или где угодно Вашему начальству, устроить Кавказский корпус по образцу Губернских корпусов, в который должны будут поступать горцы, получившие предварительное воспитание в школах; программа для преподавания наук в этом корпусе должна быть согласна с потребностью края и с целью воспитания горцев, для определения себя составить особый комитет из опытных генералов и штабных офицеров; воспитанников, кончивших курсы в этих корпусах, производить в офицеры с прикомандированием на 6 лет к полкам, расположенным в губерниях России. Лучшим воспитанникам военного корпуса желающим продолжить изучение науки предоставлять право дальнейшего воспитания в петербургских учебных заведениях и по сдаче выпускного экзамена, предоставлять следующий чин и выпускать на шестилетний срок в полки расположенные в России».¹⁹

Особое внимание на получение образования горцами на территории Северного Кавказа в своем отношении главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом уделял командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-майор Капгер (от 20 марта 1853 года), в котором он сообщал о «безнадобности» учреждения на территории края новых светских учебных заведений, а предлагал усовершенствовать и увеличить контингент преподавателей и слушателей в Нальчикской школе, гимназиях Ставрополя и Екатеринодара.²⁰ Так, кавказский чиновник предлагал детей почетных горцев, князей и уздений зачислять в первые или приготовительные классы, не отделяя при этом от русских воспитанников и не позволять носить национальную одежду. Не справляющихся горцев исключать из пансионата без надления каких-либо преимуществ перед своими соплеменниками.²¹

Принимая во внимание все выше сказанное, правительство решило осуществлять действия по усовершенствованию системы просвещения среди северокавказских горцев. В первую очередь главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом было предписано:

- школу в г. Нальчике увеличить по мере надобности;
- учредить такую же школу при Тенгинском пехотном полку, если число желающих получить образование будет увеличиваться;
- определить вакансии в количестве 50 в Ставропольской и 25 в Екатеринодарской гимназиях.²²

В конце 1853 года были приняты изменения в § 48 4 главы Положения о Кавказском учебном округе. Благородный пансион при гимназиях учреждался в следующем составе: Тифлисская – 120, Кутаисская – 135, Ставропольская – 182, Екатеринодарская – 135.

Из них казеннокоштных:

---

¹⁸ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 20–21.

²⁰ Там же. Л. 31–34.

²¹ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 36.

²² Там же. Л. 43.

– Тифлисская гимназия – 65 мест, 30 из которых для детей князей и дворян Тифлисской губернии, 20 – детей русских чиновников и 15 – детей мусульман высших сословий и армянских меликов;

– Кутаисская гимназия – 60 мест, 35 из которых для детей князей и дворян Кутаисской губернии, 10 – детей мингрельских князей и дворян, 5 – детей абхазских и иных племен, 10 – детей русских чиновников;

– Ставропольская гимназия – 142 места, 30 из которых для детей русских дворян и чиновников, 65 – детей почетных горцев Кавказской линии, князей и уздений, 47 – детей офицеров Кавказского линейного казачьего войска;

– Екатеринодарская гимназия – 120 мест, 35 из которых для детей почетных жителей из числа черкесских племен, проживающих у границ земли войска Черноморского, 60 – воспитанников за счет войсковых сумм, 25 полных мест и 35 полуказеннокоштных мест для детей офицеров и чиновников Черноморского казачьего войска».²³

5 сентября 1858 года было принято решение о прекращении предоставления 30 вакансий в военно-учебных заведениях Российской Империи детям кавказских горцев и предписано «... разрешить главному кавказскому начальству ходатайствовать о присылке на воспитание в столичные военно-учебные заведения только трех детей горцев из почетных и владетельных фамилий. На содержание отпускать по 220 руб. серебром на каждого в год из Государственного казначейства».²⁴ Главным препятствием на пути приобщения горцев к государственной службе и получения образования через российские военно-учебные заведения являлась продолжавшаяся Кавказская война.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что царское правительство осуществляло целенаправленные мероприятия по предоставлению возможности представителям горских народов Северного Кавказа и Закавказья получать высшее гражданское образования независимо от количества обучающихся в военно-учебных заведениях, в университетах Российской Империи для распространения просвещения среди них и подготовки кавказских воспитанников²⁵ к участию в развитии торговли и промышленности, а также государственной службе, прежде всего, на территории Кавказа.²⁶ Так, в соответствии с § 3 Высочайше утвержденного положения о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, за счет казны, в высших и специальных учебных заведениях Империи от 11 июня 1849 года для кавказских воспитанников выделено вакансий за казенный счет в высшее учебное заведения Империи: в г. Санкт-Петербурге – в Императорском Санкт-Петербургском университете – 20 вакансий (для уроженцев Кавказского и Закавказского краев – 15), Главном педагогическом институте – 10 (5), Императорском институте правоучения – 5 (4), Институте корпуса инженеров путей сообщения – 4 (3), Институте корпуса горных инженеров – 4 (3), Строительном училище путей сообщения – 6 (4), Лесном и межевом институте – 10 (7), Императорской академии художеств – 2 (2), Санкт-Петербургском коммерческом училище – 5 (5), Санкт-Петербургском технологическом институте – 2 (2); в г. Москве – Медицинском отделении Императорского московского университета – 20 (15) и в других отделениях университета – 20 (15), Лазаревском институте восточных языков – 20 (14), Константиновском межевом институте – 15 (10), Ремесленном училище Импе-

²³ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 382. Л. 85–86.

²⁴ Там же. Л. 93–95.

²⁵ Кавказскими воспитанниками именовали согласно § 1 Гл. 1 Высочайше утвержденного положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, за счет казны, в высших и специальных учебных заведениях Империи от 11 июня 1849 года коренных жителей Кавказского и Закавказского краев, а также детей русских дворян и чиновников, без порочно служивших или умерших на службе в указанных краях.

²⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Второе собрание. Т. 24 (1849). С. 313–314. URL: http://www.nlr.ru/res/law_r/search.php. 15 августа 2013 года.

раторского московского воспитательного дома – 2 (2); Императорском казанском университете по отделению восточной словесности – 5 (3); Горыгорецком земледельческом институте – 5 (4); Главном училище садоводства в Одессе – 5 (5).²⁷ Кроме того, с 1849 года при сдаче вступительных экзаменов в университеты уроженцев Кавказского и Закавказского краев не подвергали испытаниям на знание немецкого языка,²⁸ что еще раз указывает на стремление царского правительства к скорейшей интеграции представителей автохтонных народов Кавказа в российское общество и привлечения их к государственной службе в Российской Империи.

После окончания Кавказской войны российское правительство вернулось к вопросу о предоставлении кавказским воспитанникам вакансий в высших учебных заведениях Империи. В 1867 году департаментом государственной экономии при Государственном совете были внесены изменения в ранее принятые постановления:²⁹

а) в Московском университете, вместо 5 стипендий в филологическом факультете, назначить 10. Основания к этому излагались в Положении Кавказского комитета от 6 июня 1859 года, в связи с закрытием Главного педагогического института. Согласно Положения, в целях подготовки учителей для Кавказского учебного округа для кавказских воспитанников необходимо было выделять места в Петербургском и Московском университетах в количестве 10 студентов. Распределением мест занималось Министерство народного просвещения при непосредственном участии Кавказского наместничества;

б) вместо 15 стипендий Императорского новороссийского университета решено было распределить места между ним и Харьковским университетом;

в) число стипендий в училищах правоведения сократилось с 8 до 4, а число стипендий в технологическом институте удвоилось с 4 до 8.

«Наблюдение за поведением и успехами в науках кавказских воспитанников поручается начальству тех заведений в коих они обучаются, и всякий особый надзор над этими воспитанниками прекращается»³⁰. Положения §8 вводили в требования для представителей горского населения Кавказа сдачу экзаменов по русскому языку и литературе, так как без знания данных предметов кавказские воспитанники в полной мере не смогут познать российскую культуру и включать в социально-политическую и культурную жизнь Империи. Данное положение также свидетельствует, что уровень подготовки кавказцев в учебных заведениях Кавказа повысился, что позволило внедрить указанную норму.³¹

Особое внимание в изменениях необходимо акцентировать на том, что с окончанием Кавказской войны зачисление представителей кавказских этносов в высшие учебные заведения проводилось «без всякого внимания к старшинству зачисления, к заслугам родителей и прочим обстоятельствам»³². Вместе с тем, срок обязательной службы увеличился до 6 лет в пределах наместничества.³³ Таким образом, политика царского правительства по отношению к представителям автохтонного населения вновь присоединившихся земель Северного Кавказа была нацелена на быстрейшую интеграцию северокавказского населения и дальнейшего их привлечения к государственной службе.

Представленные выше меры самостоятельно не привели бы к желаемому результату в проводимой политике, если бы российское правительство не осознавало значимость развития

²⁷ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 51–52; Полное собрание законов Российской Империи. Второе собрание. Т. 24 (1849). С. 314–315. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. 15 августа 2013 года.

²⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Второе собрание. Т. 24 (1849). С. 340. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. 15 августа 2013 года.

²⁹ РГИА. Ф. 398. Оп. 31. Д. 11357. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ Там же.

³² РГИА. Ф. 398. Оп. 31. Д. 11357. Л. 4.

³³ Там же.

светского образования на Северном Кавказе в целях скорейшей интеграции его автохтонного населения в социально-политическую и общественную жизнь Российской Империи.

Вернемся теперь к вопросу открытия на территории северокавказского края в начале XIX века школ и гимназий. Для чего рассмотрим роль и значение учебных заведений в процессе подготовки представителей горских народов Северного Кавказа к государственной службе в Российской Империи.

Так, вопрос об открытии на Северном Кавказе первого светского среднего учебного заведения обсуждался более 30 лет (1803– 1837 гг.). После окончания Кавказской войны на повестку дня была поставлена задача подготовки национальных кадров, привлечение их на российскую государственную службу.

Развитие российской государственности на территории Кавказа совпало по времени с реформированием образования во всей многонациональной Империи. В 1804 году был издан «Устав учебных заведений подведомых университетам», который положил начало организации государственной системы начального, среднего и высшего образования, повысил роль университетов в руководстве народным образованием и подготовке учителей, усилил значение общеобразовательной школы в формировании кадров и специалистов. С этого момента начинается история просвещения на Северном Кавказе. На первом этапе просвещение продолжало развиваться в русле получения духовного образования при приходских училищах. На Кавказе стали открывать первые приходские училища. В Ставрополе было открыто такое училище в 1804 году. В августе 1811 года открыто уездное Ставропольское училище. Позднее училища были открыты в Георгиевске в 1818 году, в Моздоке и Кизляре в 1820 году, соответственно.³⁴ В этих училищах наряду с русскими учились и дети горцев. Так, в Моздокском уездном училище в 1838 году среди его выпускников были горцы Григорий Тамбиев, Каспар Хумаров, Карапет Хосров, Карапет Какоев.³⁵ В 1845 году из 60 учеников училища русских было 20, армян 19, грузин – 7, черкесов – 7, осетин – 7.³⁶

Но с образованием приходских училищ история привлечения и подготовки горцев к службе не закончилась. Появившиеся по всему Северному Кавказу светские школы были открыты для людей различных конфессий. Так, в 1820 году в крепости Нальчик была открыта первая светская школа. В школе обучались в основном аманаты, получавшие первичные знания в области арифметики, русского языка и других предметов.³⁷ В 1837 году было основано Дербентское городское училище; к 1842 году подобные светские заведения открылись в Петровске и Низовске, но с весьма ограниченным числом учащихся, выходцев исключительно из равнинных селений.³⁸

Важным событием явилось образование в декабре 1848 году Кавказского учебного округа во главе с попечителем, осуществляющим постоянное наблюдение за жизнью учебных заведений, контроль над обучением и воспитанием. По результатам проведенных реформ на Северном Кавказе были введены четыре дирекции училищ: Земли войска Черноморского, фактически существовавшее с момента образования первого среднего учебного заведения на Кавказе, с 1819 года, Тифлисская – 1830 года, Ставропольская – 1837 года и Кутаисская – 1850 года.³⁹ Однако большинство учебных заведений для автохтонного населения Кавказа находилось в ведении военного или духовного ведомства, а не учебной администрации.⁴⁰

³⁴ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 15.

³⁵ Тройно Ф. П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12–13. Ставрополь, 1971. С. 267.

³⁶ Там же.

³⁷ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.А. Нарочницкий. Т. 2. М., 1988 г. С. 247.

³⁸ Там же.

³⁹ Трехбратова С. А. Генезис народного просвещения на Кубани (конец XVIII – начало XX века). Ставрополь, 1996 г. С. 1.

⁴⁰ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 18.

В целях подготовки грамотных кадров из представителей горской знати и старшин, воспитания верноподданничества у молодого поколения 20 октября 1859 года на основании «Положения» Николая I были открыты окружные горские школы⁴¹. Такие школы были открыты во Владикавказе, Нальчике, Усть-Лабе, Темир-Хан-Шуре, Грозном и в Сухум-Кале. В §1 первой главы Устава горские школы определялись «...для распространения гражданственности образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей...».⁴² В соответствии с Уставом пансион школ составлял: во Владикавказе 120 человек, Нальчике, Темир-Хан-Шуре, Усть-Лабе и Грозном по 65 человек, а в Сухум-Кале – 40.⁴³

В горских школах обучались вместе представители автохтонного и русского населения, что способствовало их сближению. Так, в учебном заведении Владикавказа для горцев было выделено 50 мест, в Нальчике 35 мест, Усть-Лабе, Темир-Хан-Шуре и Грозном по 25 мест, а в Сухум-Кале – 20 мест.⁴⁴

Окончившие окружные горские школы ученики с хорошими оценками принимались в 4-е классы гимназий учебного округа без экзаменов. Изъявлявшие желание поступить в будущем в университет должны были выдержать испытание в знании европейских языков.⁴⁵ Разрешалось также поступать в гимназии. Так, например, начальник Грозненского окружного полицейского управления Терской области в прошении от 9 июля 1874 года просил принять на казеннокоштное место ученика грозненской горной школы Адиль Султана Беймурзаева.⁴⁶

При горских школах учреждались и казеннокоштные пансионы: «...как для облегчения средств родителей содержать детей своих в училищах, так и для того, чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка, и через то приготовить их к той гражданственности, которая есть, собственно, главная цель их образования».⁴⁷ Однако процент горских школ, открытых за счет государственных капиталовложений, был не велик, а казеннокоштных воспитанников не значителен. Содержание горских школ в основном ложилось на аульское общество.

Следует отметить, что в конце 40-х годов XIX века молодых горцев до отправления в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения стали обучать в созданной Новороссийской азиатской школе. Обучение в школе длилось четыре года. Многие из горцев неплохо обучались и, в свою очередь, были отмечены за успехи в учебе. Так, в копии с рапорта инспектора Новороссийской азиатской школы поручика Амбрасевича новороссийскому коменданту подполковнику Оглоблину от 18 марта 1853 года отмечалось, что воспитанники этой школы Тугуз Таитль, Хастемир Клоух, Осман Хачак, Осман Хаведжи Оглы и Осман Удгоухо, имевшие от роду 13–15 лет, «окончили определенный четырехлетний срок в школе и сделали хорошие успехи в науках, положенных программой для школ Черноморской береговой линии...».⁴⁸ Кроме всего прочего поручик Амбрасевич просил о ходатайстве в отношении назначения выше упомянутых воспитанников школы в одно из казенных учебных заведений для дальнейшего обучения.⁴⁹

---

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 48.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 49.

⁴⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 49–50.

⁴⁶ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 9. Л. 88.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 52.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1490. Л. 4.

⁴⁹ Там же.

Вместе с тем, кавказское войсковое начальство не дало разрешение на направление указанных горцев в кадетский корпус из-за их принадлежности к простому сословию, так как «за силою Высочайшего повеления...они не имеют права на поступление в эти заведения».⁵⁰ В горских школах обучались вместе представители автохтонного и русского населения. Однако малочисленные горские школы не могли удовлетворить потребности полумиллионного горского населения Северного Кавказа, которое стремилось к образованию и просвещению, так как видело в этом возможность дать своим потомкам стабильность и процветание.

Из выше сказанного можно судить, что царская администрация уделяла большое внимание развитию образования и просвещения для привлечения в будущем горских народов Северного Кавказа к гражданской и военной службе, но больше всего это было заметно на примере становления сети крупных средних заведений – гимназий, после которых многие горцы могли поступать в высшие военные и гражданские учебные заведения. В 1828 году был издан Устав гимназий и училищ, состоящих в ведомстве университетов. Этим Уставом вводились новые семилетние сроки обучения, определялся контингент учащихся в гимназиях, который ограничивался детьми дворян и чиновников.

В период новых преобразований с 1849 по 1852 годы гимназический курс делился на общее и специальное обучение. В 1–3-м классах изучались основные предметы (математика, грамматика и т. д.). С 4-го и 5-го классов появлялись новые науки, разделяющие обучающихся на готовящихся к университету и на готовящихся к военной службе.⁵¹ Уставом гимназий и прогимназий 1864 года устанавливалось два типа гимназий: классические и реальные (без древних языков).⁵²

Реальные гимназии России в середине XIX века рассматривались как учебные заведения, способствующие развитию полезных отраслей промышленности в стране. Вводились дисциплины, связанные с ведением сельского хозяйства, разного рода курсы землеустройства, практического счетоводства и др. В классических гимназиях, содержание образования которых тоже становилось все более ориентированным на нужды практики и жизни, появилось два отделения. Первое отделение для продолжения обучения в университете, а второе для поступления на военную и гражданскую службу. В первом случае было организовано углубленное изучение латинского и греческого языков, во втором – изучение практической математики и русского языка, а также основ государства и права.⁵³

Первая гимназия на Северном Кавказе была открыта в мае 1820 года на собранные пожертвования смотрителем Екатеринодарского уездного училища К. В. Россинским. На ее содержание выделялось ежегодно 5800 руб.⁵⁴ Однако в 1829 году гимназия была закрыта и только к 1850 году она вновь была восстановлена.

С 30-х годов XIX века центром просвещения на Кавказе становится Ставрополь. 18 октября 1837 года произошло торжественное открытие Ставропольской областной мужской гимназии, которая в первый учебный год – в 1837 году имела учащихся 71 человек и штата – 11 человек, а через 64 года – в 1901 году в ней обучалось 938 человек и было 47 преподавателей.⁵⁵

В 1842 году при гимназии было организовано подготовительное отделение для 50 горских мальчиков, которые должны были потом поступать в кадетские корпуса или в военные учебные заведения.⁵⁶ В связи с образованием в 1847 году Ставропольской губернии мужская гимназия стала называться «Ставропольская губернская мужская гимназия».

---

⁵⁰ Там же. Л. 39.

⁵¹ *Трехбрatова С. А.* Генезис народного просвещения на Кубани... С. 80.

⁵² Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 555.

⁵³ *Трехбрatова С. А.* Генезис народного просвещения на Кубани... С. 81.

⁵⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1011. Л. 4–5.

⁵⁵ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 905. Л. 11; Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 127–130.

⁵⁶ *Кoшев М. А.* Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 25.

Кроме Ставропольской губернии гимназия обслуживала Дагестанскую, Терскую, Кубанскую, Сухумскую, Карскую области и Закатальский округ.⁵⁷ 18 декабря 1848 году при гимназии было открыто 15 специальных вакансий для горцев Северного Кавказа.⁵⁸ Размещались горцы в «благородном» пансионе при гимназии. С этого времени горцы постоянно учились в гимназии и пребывали в пансионе, число их всегда было довольно значительным. 29 октября 1853 года число казенных пансионеров увеличилось до 50 человек, а в 1858 году – до 65.⁵⁹ Так как число мест в казенном пансионе для горцев было ограничено, а желающих обучаться было гораздо больше, то в гимназии поступали и за свой счет – «своекоштный». В декабре 1875 года вдова князя Бековича-Черкасского Софья обращалась в своем отношении к директору Ставропольской гимназии с просьбой о принятии сына Михаила в пансионат гимназии за свой счет.⁶⁰

Приближение образовательных учреждений к местам проживания горцев и самой подготовки к службе горцев Северного Кавказа, несомненно, было полезно и удобно. Родственники обучающихся в северокавказских учебных заведениях горцев имели больше возможностей для посещения своих детей и, следовательно, для столь необходимого контроля. Не последнюю роль играло также то обстоятельство, что дети находились в привычном климате и уже в силу этого реже болели. Полного исключения увольнений по здоровью избежать не удалось, некоторые из горцев в результате болезни вынуждены были закончить свое обучение и вернуться домой, даже с последних классов.⁶¹ Горские воспитанники пользовались правом за хорошие успехи бывать в каникулярное время дома.⁶² Обстоятельства эти, незначительные на первый взгляд, но, безусловно, приносили существенную пользу в подготовке коренного населения Северного Кавказа к военной и гражданской службе.

С 1849 года, как нами отмечалось, кавказские воспитанники из гимназий Кавказского и Закавказского краев получили возможность получать образование в университетах Российской Империи. Этим правом пользовались и выпускники Ставропольской гимназии. Так, в 1876 году полный курс обучения в гимназии закончили 11 горцев, из них 7 решили продолжить свое дальнейшее образование в высших учебных заведениях России. Датиев Бейбулат, Кундухов Магомед и Дудов Исмаил решили продолжить обучение в Институте инженеров путей сообщения (г. Санкт-Петербург); Крым Шамхалов Айтек и Тавкешев Хаджи-Мурат в Петровско-Разумовской академии; Дахкилько Пшемахо поступил в Высшее военное училище.⁶³ Меджит Бекович-Черкасский пожелал продолжить образование в Александровском военном училище.⁶⁴

В 1880 году горское отделение закончили десять человек, шесть из них пожелали учиться в военных училищах, а Юсуф Дагир-оглы (Дагиров) и Казанфар-оглы (Казанфаров) – в техническом институте; карачаевец Каспалат Улагай – в Петровской сельскохозяйственной академии. После окончания академии Каспалат Улагай работал лабинским лесничим.⁶⁵

Воспитанники горского отделения поступали в высшие заведения за счет казны или за счет собранных средств в родных обществах воспитанника. Однако многие не проходили по итогам вступительных экзаменов и это приводило к безрезультатной трате денег аульских сбережений. В 1874 году начальник Дагестанской области в прошении к директору гимназии указывал, чтобы он «конфиденциально предоставлял свое мнение о способностях и возможностях

⁵⁷ ГАСК. Ф. 73. Оп. 3. Д. 22. Л. 5–10, 10–12, 13–15.

⁵⁸ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 29–30.

⁶⁰ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 22. Л. 109.

⁶¹ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁶² Там же. Д. 22. Л. 12.

⁶³ Там же. Д. 26. Л. 124–125.

⁶⁴ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 53.

⁶⁵ Тройно Ф. П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа... С. 273.

поступления горцев Дагестанской области в университеты»,⁶⁶ тем самым он хотел избежать излишней траты собранных общественных денег.

С окончанием Кавказской войны в 1864 году политика русского правительства к горцам стала меняться, она стала ориентирована на ускорение интеграционных процессов в регионе. Царское правительство видело два пути взаимодействия с коренным населением Кавказа: христианизация горцев и обучение горцев в духе благородного служения царю через просвещение в русских учебных заведениях. Первый путь оказался неприемлемым для мусульманского общества, второй же путь стал наиболее результативным. Ставропольская гимназия с каждым годом становилась все более привлекательной для представителей горской молодежи, желавших получить светское образование и по окончании заведения поступить на военную или государственную службу. Так, за 1868–1870 годы из 541 воспитанника горцев в ней было 191 человек.⁶⁷

25 января 1866 года Кавказский комитет утвердил предложение наместника Кавказа о преобразовании Ставропольской гимназии в классическую с греческим и латинским языками; при ней было утверждено реальное отделение для горцев с преподаванием латинского языка.⁶⁸ С учреждением в 1871 году среди горских народов Северного Кавказа гражданского управления был введен и новый порядок распределения казеннокоштных горских вакансий: от горцев Кубанской области – 15, от Терской – 21, Дагестанской – 35, Сухумского отдела – 10, Закавказского округа – 4, всего 85 мест.⁶⁹ В 1874 году реальное отделение гимназии было преобразовано в горское отделение численностью 110 человек. Латинский язык заменили естественными предметами.⁷⁰ Многие из русских учеников переходили с классического отделения на «горское», так как не могли «продолжать учебу в изучении древних языков».⁷¹

Социальный состав воспитанников горского отделения гимназии был разнообразен. В советской историографии существовала точка зрения, что только с 1885 году в Ставропольской гимназии среди казеннокоштных воспитанников на горском отделении появились первые представители из незнатных семей горцев.⁷² Документы же ГАСК показывают, что с 1870 по 1877 годы обучалось: из 37 воспитанников Дагестанской области – 10 горцев «из поселян», из 27 Терской области – 1 «из поселян».⁷³ Данные факты свидетельствуют о том, что отношение правительства к горцам было все же лояльнее, так как их обучение имело приоритетное значение. В первую очередь кавказцам выделялись казеннокоштные места. Вместе с тем, число воспитанников «из поселян» с каждым годом увеличивалось. Так, в 1879–1880 учебном году из 24 горских воспитанников Дагестанской области «из поселян» было уже 11 человек, из 25 Терской области – 5 человек, из 12 Кубанской области – 1 человек.⁷⁴ В 1878 учебном году появляется даже два своекоштных воспитанника горца «из поселян»: Байрамкулов Ильяс и Мансуров Менгли-Герей.⁷⁵

На 1886–1887 учебный год из 14 горских воспитанников Дагестанской области «из поселян» было 10 человек, из 23 Терской области – 7 человек, из 8 Кубанской области – 2 человека.⁷⁶ Прием на обучение горцев «из поселян» в целях подготовки к государственной и

⁶⁶ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 9. Л. 18–19.

⁶⁷ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 44.

⁶⁸ Тройно Ф. П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа... С. 270.

⁶⁹ ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 3198. Л. 104.

⁷⁰ Кошев М. А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа... С. 45.

⁷¹ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.

⁷² Тройно Ф. П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа... С. 271.

⁷³ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 48. Л. 132–138.

⁷⁴ Там же. Д. 181. Л. 7–15.

⁷⁵ Там же. Л. 30.

⁷⁶ Там же. Оп. 3. Д. 51. Л. 6–16.

военной службе, несомненно, играл положительную роль для становления более тесного взаимопроникновения культур столь разных народов (русского и кавказских – *П. К.*).

Конечно, в составе воспитанников доминировали представители горцев из военнослужащих семей, что давало возможность развивать преемственность поколений как в службе, так и верности царскому правительству. Так, к 1877 году из 37 воспитанников из Дагестанской области 4 воспитанника являлись сыновьями низшего офицерского состава и 4 воспитанника сыновьями офицеров, в том числе и сын полковника – Ахмед Хан Мехтеринский.⁷⁷ Из 27 воспитанников из Терской области 9 человек было из низшего офицерского состава, 4 – из семей офицеров, в том числе и сын подполковника – Хаджи Мурат Мальсагов, а также были сыновья чиновников – 2 сына члена Наурского Окружного суда Адиль Гирей и Сагай Мальсаговы.⁷⁸ Из 10 горских воспитанников Кубанской области 5 детей офицеров и 3 – низшего офицерского состава.⁷⁹

Число горских воспитанников из детей военнослужащих на протяжении всего XIX века только увеличивалось, но вторым после них, как видно выше, становятся дети «из поселян». Так, например в 1879–1880 учебном году из 24 воспитанников Дагестанской области 5 человек было из семей низшего офицерства и 4 – из офицерских.⁸⁰ Из 25 воспитанников Терской области 6 – нижнего офицерства, 11 – из офицерских семей, в том числе сын генерала – Укуров Танты и сын полковника – Дударов Темир-булат, а также сын коллежского регистратора – Каргиев Мойсей.⁸¹ Из 12 воспитанников Кубанской области 5 детей низшего офицерства и 6 – из семей офицеров. Нельзя не отметить и то, что к 1880 году среди воспитанников Терского казачьего войска находилось три осетина: Гуржабеков Влас (сын сотника), Пьев Василий (сын офицера) и Хутаев Владимир (сын хорунжего), а стипендиат князя Меликова был сын полковника – Умалат Али-Хан (Алиханов).⁸²

---

⁷⁷ ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 48. Л. 132–137.

⁷⁸ Там же. Л. 137–139.

⁷⁹ Там же. Д. 181. Л. 140–142.

⁸⁰ Там же. Л. 7–9.

⁸¹ Там же. Л. 11–12.

⁸² ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 181. Л. 23, 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.